

## Почему Чехов близок японской душе?

Жданов В.Н., Судзуки Д.

*Зачем арапа своего  
Младая любит Дездемона,  
Как месяц любит ночи мглу?  
Затем, что ветру и орлу,  
И сердцу девы нет закона.  
(А.С.Пушкин)*

На поставленный в заголовке вопрос трудно дать конкретный, исчерпывающий ответ. Проблемы рецептивной эстетики и этноаксиологии, касающиеся увлечения тем или иным зарубежным писателем, его включения в мир национальной культуры, ещё далеки от решения. Почему, например, Байрон стал путеводной звездой русской литературы начала XIX века, а не поэты Озёрной школы, более признанные в Англии, чем Байрон? Почему Марк Твен гораздо популярнее в России, чем в США? Почему в современном русском обществе романы Х.Мураками стали бестселлерами высшей пробы? Ответы найти можно. Но в какой степени они будут исчерпывающими? Всё, что касается этнического восприятия феноменов иной национальной культуры, окутано тайной, поднять завесу над которой можно, обращаясь не только к анализу культурно-исторических фактов, но и с учётом особенностей национального менталитета.

Три русских писателя: Достоевский Ф.М., Толстой Л.Н. и Чехов А.П. давно уже стали прецедентным феноменом интеллектуального мира Японии.

Возможно, Достоевский привлекает поисками истины в условно русском мире бесконечной борьбы добра и зла, Толстой – как учитель, а Чехов? Чем завораживает и привлекает японских интеллектуалов Антон Павлович Чехов? Кажется, в последние годы в Японии немного уменьшилась популярность Толстого, заметно выросла популярность Достоевского, благодаря блестящему переводу И.Камэяма «Братьев Карамазовых»; что же касается Чехова, то интерес к нему остаётся неизменным. Большой интерес к Чехову проявился в Японии ещё при жизни писателя. В 1903-1904 гг. были изданы четыре его произведения в переводе Сэнума Каё (выпускницы женской семинарии при русской духовной миссии): «Дачники», «Альбом», «Тсс!», «Бабы». В 20-х годах были уже переведены почти все его произведения. В 30-е выходит собрание сочинений Чехова в 18 томах в переводе Накамура Хакуё. Впоследствии на японском языке выходит несколько собраний сочинений Чехова, его эпистолярное наследие, публикуются десятки монографий и сотни статей, посвящённых изучению его творчества. Если обратиться к нашему времени, то можно сказать, что русский писатель продолжает оставаться в центре внимания интеллектуального мира Японии. В 2010 году ведущий японский славист Нумано Мицүёси издал "Синяку Чехов танпэнсю" (Новые переводы рассказов Чехова). А Мацусита Ютака, переводчик полного собрания сочинений Чехова 90-х годов, недавно издал "Чехов танпэнсю"(Собрание рассказов Чехова). Почему же Чехова так неизменно и постоянно любят в Японии?

Если подойти к ответу на этот вопрос с историко-литературной позиции, то лучше всего обратиться к мнению академика Н.И.Конрада, который, говоря о значении Чехова для японского интеллектуального мира, отметил три аспекта. Первый – исторический: «вместе с Тургеневым» Чехов «способствовал выработке творческого метода и идейных установок реализма той эпохи» (1;453). Второй можно обозначить как экзистенциальный. В начале XX века «Чехов стал для японцев писателем той душевной тоски, которая многих из них обуревала» (1;456). И третий аспект – оптимистический. У Чехова «новая японская интеллигенция нашла тот образ-символ, который был тогда ей близок, образ

стремящейся к новой красивой жизни души» (1;457).

С позиции же межкультурной коммуникации, личность и художественный мир Чехова во многом оказались близкими японскому менталитету. О данной чеховской особенности не раз говорили японские интеллектуалы. (Под термином «интеллектуалы» мы понимаем самые широкие круги японской интеллигенции, обращённой к Чехову. Это писатели, драматурги, литературные критики, переводчики, режиссёры и просто поклонники русского писателя). Основываясь на концепциях и мнениях японских интеллектуалов, мы в самых общих моментах рассматриваем Чехова со следующих позиций: Чехов как человек, как художник, как драматург, как предшественник кинематографа, как философ, как пророк.

**Чехов как человек.** Это несколько необычно, что иностранного писателя уважают и любят как близкого и дорого человека. А именно такой образ Чехова, образ родного человека, сложился в сознании многих японских интеллектуалов. Сато Сэйро в книге «Творчество Чехова» пишет «Давно я нахожусь под непосредственным впечатлением от произведений Чехова и его личности. Для меня он прежде всего русский человек, а потом уже писатель» (9; 224). Примечательны в этом отношении названия некоторых книг и статей о Чехове японских авторов: Ито Сэй «Очарование Чеховым» (1960), Асахи Суэхико «Мой Чехов» (1974), Нагаи Томо «Чехов внутри меня» (1972), Оцука Митико «Чехов моя духовная родина» (1972), Андо Цуруо «Вновь возвратился в Японию наш любимый Чехов». Кроме того, Чехов предстаёт в мифологическом воображении его японских почитателей, как удивительно близкий и милый человек «небольшого роста, с тёплыми и нежными глазами, во всём его облике – скромность и немногословие, в которых заключена сама мудрость. Вполне очевидно, что на этот (воображаемый – В.Ж. и С.Д.) портрет русского писателя накладывают свой отпечаток национальные японские традиции: величие в малом» (4; 214). В реальности Чехов был другим.

Хироцу Кадзуо пишет, что Чехов так близок и дорог ему, что, умирая, он будет думать о Чехове: «Вместе с солнцем, лунным светом, воздухом, синим

небом, рядом с любимой, родными и близкими, наверное, всплывёт перед последним взором бледная улыбка Чехова» (4;123).

**Чехов как художник.** Близким воспринимался Чехов и как художник. Он был близок прежде всего лаконизмом, нежностью интонации и мудрой простотой своего стиля, а также внимательным отношением к художественным деталям. Известный историк русской литературы К.Рехо пишет: «Малая повествовательная форма всегда была в почёте в Японии... Вместить весь пёстрый мир в «рассказ с ладонь величиной» – в этом искусстве издавна состязались мастера японской новеллы. Чеховский рассказ, вырисовывающий целые картины в немногих строках, мягких тонах с тонкими нюансами, в настроениях, склонность писателя оставлять произведения недосказанными, а также внимание к деталям – эта чеховская повествовательная манера, непривычная для западного читателя, для японцев была органичной». (4; 216). Журналист Танака Набуко отмечает другую близкую японской ментальности художественную особенность мастерства Чехова: «Труды Чехова в значительной степени лишены большой эмоциональности, и в них есть то, что в японской культуре называется «затопленной жизнью», то есть много невысказанного спрятанного смысла» (3).

В представлении японских интеллектуалов Чехов предстаёт как мастер эстетики красоты добра. Об этом неоднократно говорит и К.Рехо и другие литераторы. В частности, писатель Сига Наоя отмечал, что, «когда мы читаем произведения Чехова -- то постоянно чувствуем тёплые глаза автора... Человек не всегда по своей природе красив или мужествен. Иногда он бывает безобразным или глупым. Можно сказать, что Чехов чаще описывает именно таких людей, но он никогда не смотрит на них злыми глазами. Он нежен к ним, защищает их. Поэтому под пером Чехова безобразное не выглядит безобразным и глупое не выглядит глупым. И читатель чувствует в этом тихую красоту» (6.125). И, наконец, о том, какое завораживающее влияние на японскую душу может оказывать чтение Чехова, сказал в своих стихах банковский служащий и поклонник Чехова Асахи Суэхико (4; 260).

Ноябрьская ночь.

Антон Чехова читаю.

От изумления

Немею.

**Чехов как драматург.** Необычайно высока в Японии популярность Чехова-драматурга. По количеству театральных постановок зарубежных авторов сейчас он занимает второе место в стране после Шекспира (Из интервью Х.Иноуэ газете Japan Times), что во многом объясняется актуальностью чеховских пьес. По мнению известного режиссёра Т.Судзуки, поставившего «Иванова», это «самая современная пьеса». В ней рассматриваются такие актуальные проблемы, как ненужность интеллигенции в современном обществе, тотальное одиночество человека и кризис традиционного брака, расовая дискриминация (режиссёр в данном случае имеет в виду возглас Иванова «Уйди, жидовка!») (14).

Современные японские режиссёры, обращаясь к Чехову, стремятся, и кажется, успешно, донести идеи чеховского гуманизма до зрителей, максимально используя самые разнообразные формы и методы сценического искусства. Чеховские пьесы можно увидеть в театре кукол, театре теней, есть реп-версия «Чайки». Режиссёр М.Миура в постановке «Дядя Вани» в своём театре Chiten гиперболизировал характерный для Чехова приём композиционной значимости художественной детали. Например, Соня всё время неподвижно стояла на рояле, что подчёркивало бесперспективность её судьбы, а у доктора Астрова были ботинки 52 размера и очень короткие рукава у пиджака. Благодаря этому возникал «дополнительный эффект преодоления чего-то внутри себя» (13).

**Чехов как предшественник кинематографа.** Необычный взгляд на Чехова как своеобразного предшественника кинематографа обращает Сакаки Тэрухиро, автор целого ряда интересных и оригинальных исследований творчества Чехова. В своей диссертационной работе он пишет, что в «Чайке» появляются идеи нового искусства, характерные для будущего кинематографа.

Это, например, игра вещей, сюжетно-функциональная игра персонажей: охотник Треплев; рыбак Тригорин, Нина –птица чайка и охотится за рыбой (7).

**Чехов как философ.** В представлении ряда японских исследователей Чехов предстаёт как писатель-философ экзистенциализма, например, у Яманюти Томио «Чехов и Беккет» («Драматургия», 1979, с.100-105.). Об этом говорит и Накамура Юдзи в книге «Мир Чехова» (1979). А по мнению русского исследователя С.Лишаева, именно экзистенциальная проблема «самоопределения человека, выпавшего из традиционного общества» как центральная в пьесах Чехова, делает его актуальным и популярным. Очевидно эта философская направленность чеховского творчества оставалась притягательной и для нескольких поколений японской интеллигенции, пережившей социальные потрясения революции Мэйдзи, послевоенного кризиса и современного кризиса (2).

**Чехов как пророк.** Тема рокового наступления мира злата на старый, спокойный, тихий мир и живущего иными идеалами человека в творчестве Чехова, в частности, в пьесе «Вишнёвый сад», оказывается близкой для многих в современной, находящейся в кризисе Японии. И «популярность Чехова в наши дни связана с тем, что зритель, возможно неосознанно, видит в его героях себя и пытается разглядеть намёки» (3). В апреле 2010 г. на пресс-конференции в Икэбукуро, посвященной началу Чеховского фестиваля, директор «Rinkogun» Ёдзи Сакагэ выразил мнение, что «Вишневый сад» – зеркало современной Японии, чей государственный долг вырос в два раза больше ВВП, и никого это не волнует. В результате Япония может быть выставлена на продажу в качестве «любимого вишневого сада». И, следовательно, тревоги Чехова по отношению к его великой стране сто лет назад можно применить к современной Японии (3).

Можно сказать, что современных японских интеллектуалов бесконечно трогает и волнует как мастерство Чехова, художественные традиции которого во многом оказались близкими самым глубоким основам японского менталитета, так и его гуманизм, его нежная скорбь по человеку, беззащитному перед надвигающимся на него молохом социально-экономических катаклизмов.

Поэтому образ Чехова в их сознании неразрывно связан не только с высшим проявлением классического литературно-художественного мастерства, но и с благородным, бескорыстным самопожертвованием истинного русского интеллигента.

Даже в трагическое военное время, как пишет Н.И.Конрад, Чехов был близок и дорог японцам «художественным ароматом» и острой психологической выразительностью, которыми наполнены и его творчество и его жизнь» (1; 460).

## ЛИТЕРАТУРА

- 1) Конрад Н.И. Чехов в Японии. История японской литературы. От Кодзуки до Токутоми. М., 1974.
- 2) Лишаев С.А. «Отрешённость и вовлечённость» // «Нева», № 9, 2010.
- 3) Размышления о чеховской России в современной Японии. Japan Times. 24 June. 2100. www.inforum. Ru.
- 4) Рехо К. Русская классика и японская литература. М., 1987.
- 5) Романцова О. Я верю в случайность, которая возникает на репетиции (Интервью с Т.Судзуки). «Культура», 2005, № 32.
- 6) Российские театры на Чеховском фестивале в Японии. Сайт «Россотрудничество», 09.06.2010.
- 7) Сасаки Т. Предметный мир в пьесе «Чайка», М., 1993.
- 8) Сасаки Т. Мак и вишня в «Вишневом саде» // Век после Чехова: Междунар. науч. конф.: Тез. докл. М., 2004.
- 9) Сасаки Т. Охотник и рыбак в чеховской «Чайке» // Чеховиана. Полет «Чайки». М., 2001. С.249-257.
- 10) Сато С. Чехов но бунгаку (Творчество Чехова. – на яп. яз). Токио. 1972.
- 11) Сига Н. (Избранное – на яп. яз). Токио 1956.
- 12) Судзуки Т. Чехов видел людей насквозь. «Коммерсантъ». 29 июня, 2005.

13) Чехов – на японском. Новости на телеканале Культура. 15.02.11.

<http://www.meyerhold.ru/ru/press/articles/286/>

14) Романцова О. «Я верю в случайность, которая возникает на репетиции» - «Культура», 2005, № 32.